

УДК 821.161.1-1.000.7.01"19"

Н. И. ИЛЬИНСКАЯ

г. Херсон

mim@datasvit.ks.ua

МАСОНСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ М. ВОЛОШИНА И Е. ШВАРЦ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Из статьи исследован типологический аспект культурной мифологии масонства в модернистской поэзии М. Волошина и постмодернистской Е. Шварц.

Ключевые слова: масонский код, мотивы, образы-символы, ритуал, культурная мифология, мифологема.

Религиозно-философские искания в поэзии русского модернизма не располагаются исключительно в монистической, церковно-православной плоскости. Религиозно-поэтическое сознание представителей Серебряного века отнюдь не свободно от «диаволического дискурса» (А. Ханзен-Леве), гностических влияний, рискованной игры с сакральным, от интереса к оккультизму, антропософии и теософии, мистицизма различного рода. В литературоведении последних десятилетий XX века представлены убедительные суждения [72] о взаимосвязи и внутренних противоречиях названных учений в оккультно-мистическом дискурсе модернизма. По определению Н. Богомолова, под оккультизмом следует понимать совокупность различного рода мистических учений конца XIX – начала XX века: теософии, масонства, антропософии, вплоть до практической магии и сатанизма, находящихся в достаточно сложных отношениях с традиционными религиями, и прежде всего – с православием [72, 15–19].

Проблема взаимосвязи русского модернизма с эзотерикой является актуальной. Односторонность в подходах, игнорирование или редукция сложных структур религиозно-поэтического сознания приводит по меньшей мере к недоумению, а по большей – к неадекватности в исследовании художественного творчества. В данной статье мы сосредоточимся на художественном воплощении масонской семантики и образности в русской поэзии XX века.

В русской духовной культуре масонская поэзия составляет мощную, насчитывающую более двух столетий, традицию. Зарождение поэзии «вольных каменщиков», как и других родов и жанров орденовой литературы, исследо-

ватели относят к середине XVIII века. Отмечая влияние этого духовно-культурного единства на последующее литературное развитие, исследователи (П. Сакулин и Н. Пиксанов, В. Сахаров) [8, 122] пишут о «масонском стиле, о масонизме», выделяя круг авторов и текстов, составляющих своего рода «национальный канон» классического литературного масонства.

Интерес к масонству, которое «насквозь художественно, литературно» (В. Сахаров), обостряется в переходные эпохи. Одна из причин – масонская критика просветительской философии, возвестившей «царство разума» в XVIII веке, антипозитивистские настроения в конце XIX – начале XX века. В культурном поле преромантизма масонство «существует» в числе других традиций: языческой мифологии, античной, библейской, просветительской, барочной. В эпоху модернизма и постмодернизма добавляются теософия, антропософия, герметизм, различного рода мистические учения вплоть до практической магии. Особое место масонский код занимает в русском модернизме, известном внеконфессиональными религиозно-философскими исканиями и тяготением к различного рода синтезу. Прежде всего, это отмеченная масонской семантикой, образностью и символикой поэзия М. Волошина, Н. Гумилева, О. Мандельштама, ориентированное на розенкрейцерство творчество младосимволистов А. Белого и А. Блока.

Обращение к культурной памяти как источнику креативных стратегий и положительных ценностей характеризует модернистскую и постмодернистскую переходные эпохи. Несмотря на дискретность как литературных, так и социокультурных эволюционных процессов, духовно-культурная преемствен-

ность в русском постмодернизме является той скрепой, которая типологически сближает его с модернизмом. Она ярко проявляется в новейшей русской поэзии как на непосредственно-рецептивном уровне, так и в типологически схожих моделях религиозно-поэтического сознания. Вместе с тем типологическая схожесть и повторяемость процессов исключает неизменность форм художественного воплощения в стилевых течениях и индивидуальных поэтических системах. Культурные эпохи находятся в состоянии диалога, поэтому возникает необходимость изучить механизмы культурной преемственности, конкретные формы их художественной реализации.

Отсюда цель работы – проанализировать семантику и поэтику масонского кода, их модификации в творчестве Максимилиана Волошина и Елены Шварц как наиболее репрезентативного для изучения данной проблемы. В процессе анализа для контекста привлекаются произведения других авторов.

Проблема взаимосвязи поэзии Серебряного века и новейшей с эзотерикой, оккультными учениями в тех или иных аспектах рассматривается в работах Н. Богомолова, И. Есаулова, Г. Нефедьева, В. Никитина, Г. Обатнина, О. Овчаренко, С. Слободнюка, М. Йовановича. Названы далеко не все, поскольку интерес к данным вопросам составляет устойчивый сюжет современной исследовательской литературы. В заявленном нами ракурсе специального исследования не проводилось.

Поскольку речь идет о закрытой организации (по словам И. Лопухина, «таинство Ордена не может быть всякому известно» [5, 49]), сразу же акцентируем некоторые ограничения. В нашу задачу не входит, во-первых, полемика относительно разделения поэтов на действительно «посвященных» и «масонствующих» – для интерпретации их творчества достаточно соответствующей проблематики. Во-вторых, вне нашей компетенции выявление специфики различных школ или лож масонов – франк-масонов, розенкрейцеров, иллюминатов, тамплиеров за исключением случаев, необходимых для адекватного прочтения поэтических текстов.

Масонская поэзия рассматривается нами как духовно-культурный феномен, содержащий эзотерические знания, этические нормы и постулаты, мотивы, символику и образ-

ность данной внеконфессиональной религиозности. Однако ориентация на «своего» читателя, способного к дешифровке масонского кода, конечно же, не исключает ее восприятия в других культурно-религиозных парадигмах. Обратимся к примеру.

Так, существуют работы, в которых поэзия Н. Гумилева, а иногда одни те же стихи, рассматриваются: а) в масонской системе координат [1]; б) как произведения «подлинно христианского поэта», осознающего «религиозно-этический пафос своего творчества» [13, 106], [7, 409]; в) такими, в которых «для библейского Бога вообще нет места» [10, 271], поскольку это – «дьяволодицея». Ортодоксальные исследователи вообще считают, что «художник отказывается решать духовные вопросы, он о них часто не знает... Гумилев и родственные ему поэты ... знали иное: сатанинский соблазн» [4, V, 315, 319].

Широкий и полярный спектр мнений лишней раз подтверждает сложность вопроса. В завершении обзора приведем еще одно суждение. «Проблема связи Гумилева с разного рода мистическими учениями современной ему эпохи – проблема совершенно очевидная, зафиксированная в многочисленных документах и наблюдениях» – пишет Н. Богомолов [2, 113]. И, дополним, – в поэтическом творчестве. По-видимому, литературоведами не всегда учитывается «дрейфование» типов религиозности, их пересечение с другими духовными традициями и практиками, в результате которого создаются нетрадиционные модели сознания и стилевые синтезы.

Эта особенность проявляется и при изучении «масонского стиля» (П. Сакулин) в поэзии XX века. Как пишет авторитетный исследователь, «масонскую литературу в «чистом» виде обнаружить практически невозможно: она всегда таится, не желает высказаться прямо, изобретает условный язык-шифр, умело скрывается за различными личинами и сложными иносказаниями, для выражения своих сокровенных идей пользуется готовыми художественными формами, жанрами и стилями, созданными другими направлениями» [12, 338]. И это действительно так. В определении структуры масонского кода, его поэтической семантики – мотивов, образности, символики, ассоциативного поля и коннотаций нами учтены такие черты масонского

сознания, как иерархичность и иератичность (обрядность).

Представляется возможным назвать концептуальные и стиливые параметры орденской поэзии, которые оказались созвучными религиозно-поэтическому сознанию XX века:

1. Абсолютной Истиной, вершиной иерархии является Бог – великий Зодчий, «являющийся разновидностью топоса Бога-Ремесленника (Deus Artifex). Deus Artifex – инвариант, изменяющийся от страны к стране, от эпохи к эпохе и от автора к автору: Бог предстает то собственно художником, то скульптором, то архитектором, то часовщиком, но всегда останется делателем, *Мастером*» (курсив автора – Т. Смоляровой) [11, 176]. Великолепие и красота Верховного Строителя – Бога отражены в соборах, храмах. Тем самым подчеркивается высокий ценностный статус архитектуры в масонской символике, сохранившей память о строителях и зодчих средневековых храмов (цикл «Руанский собор» М. Волошина, «Адмиралтейство», «Айя-София» О. Мандельштама). Таким же высоким статусом обладает масонский мотив утерянного Слова как поиски божественного в самом себе, Слова-камня (стихотворения «Память», «Слово» Н. Гумилева).

2. Инвариантом масонского кода, оказавшегося близким адогматичности модернистов и постмодернистов, является масонский универсализм. Его особенность в том, что «при наличии глубоких христианских корней и позитивного отношения к главным конфессиям, он не воспринял их догматики и поучений святых отцов, ограничиваясь воспроизводством элементов религиозной обрядности вроде молитв и проповедей, почитания святых Иоанна Крестителя, Иоанна Богослова и др.» [12, 318]. Яркой иллюстрацией является стихотворение Е. Шварц из цикла с символическим названием «Лестница с дырявыми площадками (5-й этаж верх)». Приведем его полностью.

Ткань сердца расстелю Спасителю под ноги,
Когда Он шел с крестом по выжженной дороге,
Потом я сердце новое сошью.
На нем останется – и пыль с Его ступни,
И тень креста, который Он несёт.
Все это кровь размоет, разнесёт,
И весь состав мой будет просветлён,
И весь состав мой будет напоён

Страданья светом.

Есть всё: тень дерева, и глина, и цемент,
От света я возьму четвёртый элемент
И выстрою в течение долгих зим
Внутригрудной Ерусалим [15, 13].

Уже в название стихотворения содержится авторский «ключ» для «дешифровки» эзотерического подтекста и символики образов. В масонской образности лестница с ее ступенями – это эмблема духовного странствия души. В стихотворении запечатлены «этапы» посвятельного гнозиса масонов, цель которого – преодоление «ветхого Адама», сотворенного из глины, и обретение Света. Этот путь к Абсолюту художественно выражен устойчивой формулой орденской поэзии Бог – Свет. Сопоставление ключевых мифологем стихотворения Е. Шварц – лестница, «внутригрудной Ерусалим» (храм души), Свет, символика нумерологии (цифра 5) – со строками масонского гимна, отчетливо демонстрирует интертекстуальные переключки:

Открылся к свету новый путь
Чрез крепость в вечный храм свободы,
К науке пятой вскинь свой взор,
В ней узришь всех наук собор [цит. по: 8, 16].

В обоих текстах мифологема «свет» наделяется высоким сакральным статусом, характерным как для Библии: «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы» (Ин. 1:5), так и для масонской догматики. Девиз вольных каменщиков: «Да будет Свет; и стал Свет» (лат. «Fiat lux et lux fit»), и жизнь посвященных – это поиски великого Света истины. Об этом масонские гимны и песнопения: «Ты жизнь всегда творишь из тленья / Из тьмы рождаешь вечный свет»; «О мой Господь! О свет Светов!»; «Сей свет тому, конечно, ясен, / Кто тьму внутри и вне узрел» [цит. по: 8, 17–20].

Образ Христова распятия в стихотворении Е. Шварц также может быть интерпретирован в масонской парадигме. В предисловии М. Волошина к циклу «Руанский собор» находим следующее: «Пятая ступень – это смерть на кресте. «Мировая душа распята на кресте мирового тела». Распятие – это символ божества, воплощающегося в материи [3, 161]. Как видим, в результате инициации лирическая героиня, подобно пушкинскому пророку, преобразуется, обретая «сердце новое», уподобленное созданию храма. В данном случае куль-

турная преемственность заключается в наследовании традиции.

3. Корреспондируя с концептами русской «внецерковной религиозности» (В. Зеньковский), масонский код отражает различные традиции. Среди них – ориентация на идеи «внутреннего человека», его духовное прозрение и преображение, гармонизацию мира личности, присущая также востребованному модернистами неоплатонизму. Масоны исходили из признания двух миров – земного («недолжного») и неземного («должного»). Это двоемирие свойственно не только христианской религии, но и другим верованиям. Русские философы-мистики, провозглашая необходимость признания двух миров, отрицали их равноценность. Они стремились доказать суету и бренность поюстороннего бытия – мира материальных вещей и явлений. В орденской поэзии это воплощается в сквозных мотивах земной тщеты, любви к смерти, умирания и повторного рождения, образах слепца, «молнии сует». Так, в стихотворении Е. Шварц «Распродажа библиотеки историка» [15, 13] масонский код реализуется мотивом пренебрежения мирской суетой, материальными ценностями («нагой», «чужой башмак», «он в комнате пустой»), характерным для данной просветительско-культурной парадигмы. Сознание лирического субъекта в земном «нисхождении» достигает высот внутреннего зрения – тайнознания. Это состояние манифестировано знаком слепоты («безглазо»), наделенного высоким ценностным статусом в масонском ритуале и символике как залог будущего духовного прозрения.

4. Особую значимость для масонского сознания имеет мифологема пути. Его цель – мистическое соединение «внутреннего человека», стремящегося познать свет, с «внутренней церковью» – ключевой идеологемой масонства, понимаемой как царство Божие внутри человека [12, 154]. В поэзии русского модернизма укоренены характерные для масонства образы вечного странника, «путника по вселенным», высокий аксиологический статус путешествий, в частности мореплавания как шестой из семи, возвещающей «всеобщее возрождение», ступеней «дороги света» (Via Lucis) [6, 16]. Сравним у акмеистов: «Любуясь на доски / Заклепанные, слаженные в переборки / Не вифлеемским мирным плотником, а другим – / Отцом путешествий, дру-

гом морехода» (О. Мандельштам «Нашедший подкову»).

5. К инвариантам масонского кода относится ритуалистика. Это обряды посвящения в «вольные каменщики», масонские ритуалы очищения четырьмя природными стихиями – огнем, водой, землей и воздухом. В процессе символического в них погружения происходит преодоление низменной сути человека [8, 234, 239]. Мотив ритуального очищения ярко представлен в VI стихотворении цикла «Руанский собор» с символическим названием «Погребенье». Он реализуется через образы евангельского зерна («семени») и фольклорно-мифологического образа Великой Матери сырой земли. Последний в мифопоэтике М. Волошина сакрализован до евхаристического: «Твоему страдающему телу / Причащаюсь, темная земля». Умирая, семя прорастает «цветком собора», то есть «внутреннего храма». Так М. Волошин «зашифровывает» масонский ритуал очищения землей, водой – источником жизни («Под ногой не гулкой чую камень, / а журчанье вещей вод) и огнем («факел жизни – огненная Смерть»). Мотив ритуальной смерти исследователями рассмотрен в «Заблудившемся трамвае», «Моих читателей» Н. Гумилева (наблюдение М. Йовановича).

Масонский код художественно воплощается в ритуальных действиях, среди которых особое место принадлежит инициации. Как известно, ее назначение – передача знаний о ритуалах, символах, этических идеях Ордена, но главное – через «внутреннюю смерть» стимулировать и направлять повторно рожденного к Деланию: началу новой жизни и духовному совершенству. В поэзии М. Волошина и Е. Шварц мотив посвячительного обряда подвергается трансформациям.

Так, в стихотворении М. Волошина «Обманите меня...» (его первое название «Встречной») запечатлены этапы инициации, достаточно известные по русской классической литературе. Это движение неопита за «кем-то в темноте наобум» «лабиринтом неведомых зал», с традиционной повязкой на глазах, символизирующей слепоту (в масонстве она косвенно соотносится с крестом), «блуждание» человека в поисках святыни. Однако авторская интенция иная.

Как представляется, стихотворение восходит к европейской традиции утонченно мис-

тической (и в то же время явно эротической) поэзии Данте, Петрарки, когда «эротическое желание и религиозная страсть, питая друг друга, сливаются в литургию эросу» [8, 87–88]. В поэзии Серебряного века соединение эротического с религиозно-экстатическим не редкость. Яркие примеры – творчество А. Блока, Вяч. Иванова; эзотерический смысл присутствующей любовной лирике последнего сборника Н. Гумилева, но только у М. Волошина это связано с масонским кодом.

В ироническом модусе отображена инициация в стихотворном цикле Е. Шварц «Забавы. (Осьмнадцатый век)» [15, 405–406]. О ритуальном посвящении (стихотворение «Масон») рассказывает участник события, упоминая его в числе других «забав» «галантного века»: «упрятивания» карлика в пирог («Званный обед») и чесания пяток («Будни»). Автором создается маска «искателя» эзотерического знания, которому в силу духовного невежества не дано прозреть сакрального смысла происходящего, хотя он читает духовидца Э. Сведенборга и до мельчайших подробностей помнит «процедуру». Символика обряда (Соломонов храм – культовое сооружение, знак мирового порядка в сочетании с высшей духовностью; старинный гроб – «гроб Хирама», символизирующий «воскресение из мертвых»; колонки «В» и «J») – олицетворение жизни и смерти, добра и зла) также остаются для него недоступной: «все кончалось попойкой / И грубым словом «абраксас». Ирония усиливается игрой смыслами: «Абраксас» – имя греко-египетского бога с петушиной головой, гностического божества. Но в тексте оно написано со строчной буквы, поскольку для псевдопосвященного – это не каббалистическое слово «абракадабра», а его бытовой аналог в значении «чепухи». Показательно, что наивное видение оставшегося профаном «адепта» не заслоняют от читателя тайнознания самого поэта, ориентированного на духовные истины.

6. В масонском коде поэзии XX века актуализированы символы и знаки, идентифицирующие сугубо масонскую парадигму, например, «звенья позвонков». Это образ наделен особой валентностью, так как, согласно секретной доктрине, столб позвоночника содержит сакральное число – тридцать три звена. Через них движется Духовный Огонь – воплощение духовной сущности человека, заключенной в теле, поскольку «точная наука духовного возрождения

есть Утерянный Ключ Масонства... Духовный Огонь поднимается через тридцать три ступени или позвонка» [14, 270].

Образ-символ позвоночника разветвлено представлен в поэзии О. Мандельштама. Здесь он выступает «проводником» культурной памяти, олицетворяя связь времен («Но разбит твой позвоночник / Мой прекрасный, жалкий век» – «Нашедший подкову», «Век» («Век мой, зверь мой»). Исследователи оккультно-мистической традиции в поэзии Н. Гумилева считают, что заглавие сборника «Огненный столп», отсылающее к ветхозаветному источнику, указывает на масонскую доктрину «правого пути» [1].

В поэзии XX века наблюдается еще один вариант взаимодействия с традицией – игровая тональность в рецепции масонских святынь и ценностей. Показательным является стихотворение Е. Шварц «Путь желаний – позвоночник»:

Путь желаний – позвоночник
Начинается от звезд,
Долгой темной тела ночью
Он ведет нас прямо в хвост.
Образует он пространство
Для золотых круженья вод,
И без этой гибкой палки
Череп был бы, где живот.
Мост он, шпалы, он дрожит,
Лестница, опора зданья,
Трепет по нему бежит,
В нем кочует тайнознанье [15, 75].

Речь идет о знаковом для эзотерической традиции понятии – проводнике духовной энергии. В тайнознании оно называется по-разному: а) позвоночник в масонстве; б) кундалини – символ микрокосмической энергии, «змеиная сила» позвоночника – в индуистском мистицизме; в) сила, таящаяся в позвоночнике, – в мистике даосизма. Его десакрализация в тексте Е. Шварц осуществляется посредством духовной подмены сакральной семантики профанными аналогами. Например, масонский огненный столб становится «гибкой палкой», очищающее движение Духовного Огня низводится до «трепета», «тайнознанье» «кочует». Путь слияния индивидуального с божественным сознанием представлен весьма иронично – начинаясь «от звезд», он заканчивается весьма прозаически: «ведет нас прямо в хвост». Лексический сдвиг от поэтизма до

просторечья окончательно демифологизирует знаковый для эзотерики концепт.

Особенно наглядно эта модальность проявляется в сравнении со стихотворением М. Волошина «Ветер с неба клочья облак вытер...». Комментаторы предполагают, что образ «змею препоящу» содержит отсылку к теософскому понятию кундалини. Благодаря его энергии лирический субъект стремится к восхождению, ощущая себя чашей – божественным сосудом, «переполненным светами». Проведенное сопоставление позволяет утверждать присущий масонству синкретизм духовно-эстетических поисков, позволяющий авторам постичь «идею Традиции» (Р. Генон), то есть сокровенную и нерушимую преемственность, восходящую, в конечном счете, к «первому из пророков» – протцу человечества Адаму.

Таким образом, актуализация масонского кода в поэтическом пространстве кризисных эпох вызвана адогматическим характером, идеями вероисповедальной свободы, внеконфессиональной, универсальной религиозностью, религиозно-философским синкретизмом этого религиозно-мистического учения. Однако если для модернистов интерес к глубокой архаике и эзотерическим практикам – это возможность расширить культурно-религиозные горизонты, открыть истоки Богопознания, реализовать чаемый синтез и всеединство, то для поэтов андеграунда – это эскейпизм в неосвоенные официальной литературой территории, игра с эзотерической образностью как одним из языков культуры. В новейшей русской поэзии эзотерическая проблематика продуцируется в различных вариантах преемственности и художественной модальности, но самый яркий – игровой модус и травестия.

N. ILJINSKA
Kherson

**MASONIC MOTIFS AND IMAGES IN THE POETRY BY
M. VOLOSHIN AND O. SHVARTS: TYPOLOGICAL ASPECT**

The article focuses on typological aspect of the Masonic cultural mythology in Modernist poetry by M. Voloshin and Postmodernist poetry by O. Shvarts.

Key words: Masonic code, motifs, symbolic images, ritual, cultural mythology, mythologem.

Н. И. ИЛЬИНСКАЯ
м. Херсон

**МАСОНСЬКІ МОТИВИ ТА ОБРАЗИ В ПОЕЗІЇ М. ВОЛОШИНА
ТА О. ШВАРЦ: ТИПОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТ**

У статті досліджено типологічний аспект культурної міфології масонства в модерністській поезії М. Волошина та постмодерністській О. Шварц.

Ключові слова: масонський код, мотиви, образи-символи, ритуал, культурна міфологія, міфологема.

Стаття надійшла до редколегії 23.08.2014 р.

Список использованных источников

1. Акмеизм и масонство. Масонская библиотека [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.freemasonue.ru.
2. Богомолов Н. А. Русская литература XX века и оккультизм / Н. Богомолов. — М. : Новое литературное обозрение, 1999. — 560 с.
3. Волошин М. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи ; [Сост. и авт. вступ. ст. и коммент. З. Давыдов] / М. Волошин. — Симферополь : Таврия, 1990. — 248 с.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6-ти частях [Изд. второе, исп. и доп.] / М. Дунаев. — М. : Христианская лит. — 2003. — 1056 с.
5. Лопухин И. В. Искатель премудрости, или Духовный рыцарь / И. В. Лопухин. — М. : Книга по Требованию, 2011. — 116 с.
6. Масоны. История, идеология, тайный культ ; под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. — М. : Вече, 2005. — 496 с.
7. Редькин В. Традиции православной духовности в современной русской поэзии // Традиции русской классики XX века и современность; [Ред.-сост. С. И. Кормилов] / В. Редькин. — М. : Изд-во МГУ, 2002. — С. 305—308.
8. Сахаров В. Русское масонство в портретах / В. Сахаров. — М. : ООО «АиФ Принт», 2004. — 512 с.
9. Сахаров В. Проза русских масонов (история и поэтика) / В. Сахаров // Контекст-1994. — М. : Наследие, 1996. — С. 338—359.
10. Слободнюк С. Л. «Идущие путями зла...» (древний гностицизм и русская литература 1890–1930-х гг.) / С. Л. Слободнюк. — СПб. : Алетейя, 1998. — 425 с.
11. Смолярова Т. Аллегорическая метеорология в поэзии Державина / Т. Смолярова // Новое литературное обозрение. — 2004. — № 66. — С. 139—159.
12. Соловьев О. Ф. Масонство. Словарь-справочник / О. Ф. Соловьев. — М. : Аграф, 2001. — 432 с.
13. Струве Н. А. Православие и культура ; 2-е изд., испр. и доп. / Н. А. Струве. — М. : Русский путь, 2000. — 623 с.
14. Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / П. Холл Мэнли ; 3-е изд., испр. — Новосибирск : Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1997. — 794 с.
15. Шварц Е. Сочинения. Т. 1 / Е. Шварц. — СПб. : «Пушкинский фонд», 2002. — 464 с.